

I МЕМОРИИ

УДК 94(477.75)“1918–1922”

ПО СЛЕДАМ ПРОТОТИПОВ ЭПОПЕИ И.С. ШМЕЛЕВА
«СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»: К 90–ЛЕТИЮ СО ВРЕМЕНИ
НАЧАЛА КРАСНОГО ТЕРРОРА В КРЫМУ¹

Филимонов С.Б.

Таврический Национальный университет им. В.И. Вернадского

Классик русской литературы Иван Сергеевич Шмелев (1873 – 1950) с июня 1918 г. по март 1922-го жил и творил в Алуште. Здесь он был свидетелем таких жутких последствий Гражданской войны, как красный террор (жертвой которого стал и сын писателя – 24-летний белый офицер-инвалид Сергей Шмелев, расстрелянный в Феодосии в январе 1921 г.), разруха, голод. Ужасы эти И.С.Шмелев отобразил в документальной эпопее «Солнце мертвых». По авторитетному мнению известного писателя и критика А.В. Амфитеатрова, «более страшной книги не написано на русском языке...»

В 2000 г. в Алуште вышла интереснейшая книга крымского литературоведа Лии Поповой «Шмелев в Алуште». В ней охарактеризован крымский период жизни и творчества писателя, определен круг его друзей и знакомых, установлены алуштинские прототипы «Солнца мертвых» и крымских рассказов (в том числе и те лица, имен которых Шмелев не называет – нотариус, дьякон, поп). Книга основана на материалах Алуштинского краеведческого музея, Государственного архива Автономной Республики Крым, семейных архивов, воспоминаниях старожил.

Поскольку целый ряд прототипов положительных героев «Солнца мертвых» были подвергнуты репрессиям еще при И.С. Шмелеве, а другие вряд ли могли избежать репрессий в дальнейшем, мною была предпринята попытка выявить в архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму их судебные-следственные дела.

Попытка оказалась успешной. Дела пятерых прототипов эпопеи И.С. Шмелева оказались на моем рабочем столе.

С учетом того, что биографией и литературным наследием И.С. Шмелева интересуются сотни исследователей и миллионы читателей во многих странах мира, эти архивные находки смело можно отнести к разряду сенсационных.

Предлагаю вниманию читателей пять документальных очерков, основанных на материалах выявленных судебных-следственных дел. Очерки расположены в той по-

¹ Статья публикуется в авторской редакции, включая оригинальную систему ссылок (по настоянию автора. – прим. ред.).

следовательности, в какой знакомит читателей со своими героями автор «Солнца мертвых».

Очерк первый. Почтальон Дрозд

Почтальону Дрозду в «Солнце мертвых» посвящена глава «Голос из-под горы». Напомним читателям строки о нем:

«Шуришит за изгородью, шипит... будто змеи ползут на садик. Я вижу через шиповник – ползет гора хвороста и дерев, со свежими остриями рубки. Шипит хвостом по камням дороги. Ползет гора хворосту, придавила человека. Останавливается, передыхает – и слышу глухой голос из-под горы:

- *Добрый день...*

Через редкий шиповник я вижу волосатые ноги, в ссадинах, мотающиеся от слабости.

- *Добрый день, Дрозд. Свалите пока, отдохните.*

- *Нет уж... потом и не подынешь...*

Это почтальон Дрозд. Почтальон когда-то... Теперь?.. Какие теперь и откуда письма?! [...]

И вот сложил свою сумку Дрозд и – «занимается по хозяйству».

Каждый день поднимается он мимо моей усадьбы, с топором, с веревкой, - идет за шоссе, за топливом – на зиму запасает. Я слышу его заботливые шаги перед рассветом. Нарубит сухостоя и слег, навалит на себя гору и ползет-шипит по горам, как чудище, через балки – и вверх, и вниз. За полдень проходит мимо, окликнет и постоит: дух перевести надо.

Это – праведник в окаянной жизни. Таких в городке немного. Есть они по всей растлевающейся России.

При нем жена, дочка лет трех и наследник, году. Мечтал им дать «постороннее» образование – всесторонне, очевидно, - дочку «пустить по зубному делу», а сына – «на инженера». Теперь... - впору спасти от смерти. [...]

Он очень любит слова: прогресс, культура. Говорит – «прогресс» и «референдум». Он уважал людей образованных и называл себя... прогрессистом. Он не разбирался в партиях: он только хотел – «культуры». И когда налетели большевики (речь идет о событиях 1919 года. – С.Ф.) и стали хватать по доносам, кого попало, схватили и смиреннейшего Дрозда – «врага народа». То были первые большевики, матросы, дикари, и с ними гимназист из Ялты – командиром. Они посадили Дрозда в сарай, вместе с калекой нотариусом и Иваном Михайлычем, профессором, которому на днях пожаловали пенсию – по фунту хлеба в месяц. Две ночи сидел Дрозд в сарае, ждал расстрела. Спрашивал «господ»:

- *За что?! Политикой не занимался, а только разве про культуру. Скажите речь им... про культуру и мораль! обязательно скажите! просветите темных!..*

В сарай совались матросы головы:

- *Что, господа енералы....?! Сегодня ночью рыб кормить будете господским мясом... [...]*

И вот ни в чем не повинный Дрозд получил избавление от смерти. Получил – и умолк навеки. Он уже не говорил о культуре и прогрессе. Он – как воды набрал, и только глаза его, налитые стеклянным страхом, еще что-то хотят сказать. Даже о погоде он не говорит громко и не кричит, как бывало, размахивая газетой:

- *Замечательная телеграмма! Рака нашли!.. Немец сыворотку открыл!*

- *Планету новую отыскали! Как-с? Да, комету... Звезду пятой величины! пятой!!*

В войну его мучил Верден. Он не спал ночами и что-то выглядывал по карте. Бежит, бывало, газетой машет:

- *Отбили!.. семнадцатый штурм-атаку! Геройский дух французов все смел... к исходному положению! к исходному!..*

И все это кончилось – и Верден, и дух... И Дрозд умолк.

Вот он стоит под придавившей его горюю. Ноги сочатся кровью, словно его полосовали ножами. Подсученные штаны в дырках. Из-под горы высматривает с натугой бурое, исхудавшее, взмокнувшее лицо – мученика лицо!»

Л. Попова, автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000), установила, что Дрозда звали Прокопием Павловичем, что «со временем у Дрозда развилась шизофрения. Он мог говорить “недозволенные речи”, ругать партию и правительство открыто, громко, на улице, за что его много раз сажали, но затем выпускали, как психически ненормального» (с. 76, 78).

В архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму удалось выявить следственное дело П.П. Дрозда (Д. 02018), содержащее уникальные биографические данные.

Прокопий Павлович Дрозд родился в 1884 г. (а не в 1886, как указано в книге Л. Поповой) в селе Могилевка на Винничине. Русский. Беспартийный. Образование – 3 класса сельской школы. Отец служил стрелочником на железной дороге, умер в 1920 году. Мать вела домашнее хозяйство, умерла в 1913 году.

Ко времени ареста П.П. Дрозда в 1940 г. его семья состояла из жены Феклы Игнатьевны, 1892 г. рождения (а не 1896, как указано в книге Л. Поповой), домохозяйки, дочери Веры, 1918 г. рождения, обучавшейся в Москве в Институте кооперации, сына Георгия, 1920 г. рождения, работавшего водолазом в Осводе, сына Алексея, 1923 г. рождения, работавшего в санатории железнодорожников, малолетней дочери Ольги, 1929 г. рождения.

В Алуште П.П. Дрозд проживал с 1909 года. С того времени и до самого увольнения в декабре 1938 г., т.е. почти 30 лет, работал почтальоном. И.С. Шмелев, ведший обширную переписку, конечно же, был с ним хорошо знаком.

Всю жизнь Дрозд оставался подозреваемым властями в «контрреволюционности». В следственном деле содержится информация о том, что «Дрозд Прокопий Павлович еще до революции в царское время был самым активным проводником всех царских демонстраций и проводимых царским правительством мероприятий. Являлся активным черносотенцем-монархистом, состоял в «Союзе Архангела Михаила», еще при царском правительстве во всех проводимых демонстрациях и манифестациях Дрозд всегда носил портреты царя и иконы».

8 апреля 1940 г. П.П. Дрозд был арестован. Он обвинялся в том, что «систематически ведет среди населения контрреволюционную агитацию, восхваляет старый царский строй и возводит клевету по адресу советского правительства и руководителей ВКП(б)».

9 апреля 1940 г. Дрозд был допрошен алуштинским следователем Галкиным.

«Вопрос: Когда и в каком году вы прибыли в г. Алушту?»

Ответ: В гор. Алушту я прибыл в 1909 г. из гор. Одессы, где я работал бондарем у купца Зильберштейна.

Вопрос: Почему вы из Одессы переехали на жительство в г. Алушту?»

Ответ: Так как я терял трудоспособность и не мог работать бондарем, то просился в Одесском управлении почт назначить меня почтальоном и, удовлетворив мою просьбу, меня назначили почтальоном в гор. Алушту. [...]

Вопрос: Вы состояли в черносотенной организации. Признаете вы это?»

Ответ: Нет! Я в черносотенной организации не состоял.

Вопрос: Признаете ли вы себя виновным в том, что на улице распевали царский гимн?»

Ответ: Да! Я действительно на улице в очереди за хлебом пел царский гимн, но с целью критики самодержавия.

Вопрос: Можно было критиковать самодержавие без пения царского гимна.

Ответ: Да! Если бы я был не выпивши, то, возможно, не пел бы громко царский гимн».

Определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Крымской АССР от 8 июня 1940 г. уголовное дело в отношении Дрозда Прокопия Павловича было прекращено с последующим направлением его на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

Вот что пишет Л. Попова о последних днях жизни П.П. Дрозда: «В феврале 1963 года умерла Фекла Игнатьевна. Дрозд ходил на кладбище ежедневно, носил цветы, посадил

кипарис. А через месяц, 20 марта, умер от угара. Возможно, с горя угорел, решил таким образом уйти из жизни. Когда вошли к нему в комнату – окно было заложено матрасом, а дверь была изнутри подперта. Чувствовался чад от угля...» (с. 78).

Очерк второй. Нотариус

Как установила автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000) Л. Попова, нотариуса, услугами которого И.С. Шмелев пользовался при оформлении покупки участка земли в Алуште в 1920 г. и которого писатель упоминает в «Солнце мертвых» в главе «Голос из-под горы», звали Евтихий Евтихиевич Вознесенский. Л. Попова пишет, что постановлением райисполкома от 29 июня 1922 г. сад, принадлежавший жене Е.Е. Вознесенского, Ольге Аполлоновне, был передан райкому компартии, а горкомунхозу было предложено «очистить помещение (нотариальной конторы Е.Е. Вознесенского по Косьюмо-Дамиановскому шоссе. – С.Ф.) от посторонних жильцов, а также хозяев дома» (с. 29).

Сохранившееся в архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму следственное дело Е.Е. и О.А. Вознесенских (Д. 09840), во-первых, содержит уникальные биографические данные и, во-вторых, позволяет представить те события, которые предшествовали вышепротитированному постановлению райисполкома.

Е.Е. и О.А. Вознесенские были арестованы начальником Алуштинской милиции Василенко 5 января 1921 г. (т.е. еще во время пребывания И.С. Шмелева в Алуште) по ордеру Алуштинского ревкома. На запрос военного следователя Черняева о причинах их обыска и ареста заведующий отделом управления Алуштинского ревкома Шипов отвечал, что *«аресты и обыск Вознесенских и братьев М. и С. Сарибановых были произведены на основании списка № 1 зловердных контрреволюционных элементов, доставленного мне начальником милиции Василенко, а также устного подтверждения о их контрреволюционности помощника начальника милиции Шевченко»*. (В скобках замечу, что мои попытки обнаружить вышеупомянутый список в архиве ГУ СБУ в Крыму не дали результатов. А жаль. Этот документ мог бы помочь ответить на вопросы о том, кто в Алуште в эпоху красного террора попал в список «зловердных контрреволюционных элементов», что стало с этими людьми, значился ли в списке И.С. Шмелев).

9 января 1921 г. Е.Е. и О.А. Вознесенские были допрошены военным следователем Черняевым в качестве обвиняемых.

Из протоколов допросов явствует, что Евтихию Евтихиевичу Вознесенскому ко времени ареста исполнилось 64 года (т.е. он 1856 г. рождения), женат, в течение последних 35 лет (т.е. с 1885 г.) проживал в Алуште, русский, беспартийный, образование высшее (окончил математический факультет Киевского университета), домовладелец, до войны 1914 г., во время войны и во время Октябрьской революции служил нотариусом в Алуште, ко времени ареста нигде не служил. *«Допрошенный после предъявления ему обвинения показал: при обыске и аресте никакого обвинения не предъявлено и в чем обвиняюсь – не знаю. В политике, вследствие старости, никакого участия не принимал. Знает меня и мою деятельность вся Алушта. Больше ничего добавить не имею»*.

Ольга Аполлоновна Вознесенская, 58 лет (т.е. она – 1862 г. рождения), дворянка, русская, беспартийная, окончила гимназию, владелица дачи и 5 десятин земли, занималась домашним хозяйством. *«Допрошенная после предъявления ей обвинения показала: при обыске и аресте никакого обвинения не предъявлено и в чем обвиняюсь – не знаю. Отец – сельский хозяин. Никакого участия в политической жизни не принимала. Знают меня в Алуште все, равно как и мою жизнь. Больше ничего добавить не имею»*.

На следующий день, 10 января 1921 г., военным следователем Черняевым в качестве свидетелей были допрошены начальник Алуштинской милиции Г.В. Василенко и его помощник И.Т. Шевченко.

Из протоколов допросов следует, что Георгий Васильевич Василенко, 26 лет, женат, начальник Алуштинской милиции, коммунист с июня 1920 года, *«образование – столяр»*, до войны 1914 года и до службы в Красной Армии столярничал, в Красной Армии *«служил в Симфе[ропольском] Повст[анческом] полку (зеленые)»*. *«По делу Вознесенских Е. и*

О. мне известно, что Е. Вознесенский содействовал армии Врангеля, при обыске и выемке заявил, что «Добрармия не позволяла этого себе делать». Крупные собственники. Ольга Вознесенская при обыске также ставила в пример Добрармию».

Иосиф Трофимович Шевченко, 32 лет, женат, помощник начальника Алуштинской милиции, «*независимый социалист*», образование – 5 классов гимназии, до войны 1914 года и до службы в Красной Армии занимался «*письмоводством*», в Красную Армию был мобилизован и с января по ноябрь 1920 года служил в 268 полку. «*По делу гр. Вознесенских Е. и О. мне известно: обвиняемый организовывал церковный совет с явно монархическим направлением, используя темный элемент. [...] Крупный собственник; эксплуатировал всячески рабочих, относясь к ним как к рабам*».

13 января 1921 года военным следователем Реввоен трибунала Побережья Черного и Азовского морей Черняевым было составлено заключительное постановление по делу Е.Е. и О.А. Вознесенских, обвинявшихся в контрреволюции. Следователь «*нашел, что: 1) состояние четы Вознесенских в числе крупных собственников (дач, домов, земельных участков), их происхождение (дворянство, общественное положение как при царском режиме, так и при белогвардейщине), 2) найденные при обыске у граждан Вознесенских приложения к газетам «За Царя и Родину» и «Гроза» и их собственные показания при допросе о выписке ими в течение долгих лет «Нового времени» (газета «Новое время» была одной из самых популярных в дореволюционной России. – С.Ф.), периодических изданий, достаточно известных своим реакционным и человеконенавистническим направлением, 3) свидетельские показания, устанавливающие: а) участие Евтихия Вознесенского в церковном совете, одним из организаторов коего он был (Е.Е. Вознесенский на допросе 13 января 1921 г. заявил, что председателем церковного совета он был избран в 1917 г. и что в период своего председательств у него произошло столкновение со свидетелем Шевченко по поводу насильственного захвата городским самоуправлением церковно-приходской школы. – С.Ф.), учреждении явно монархического направления, использовавшего темный элемент с контрреволюционными целями, б) сочувственное отношение четы Вознесенских к врангелевщине, выразившееся хотя бы в том, что революционной власти, явившейся для обыска у подозреваемых контрреволюционеров (напомню, что этой «революционной властью» был молодой, не обремененный образованием начальник Алуштинской милиции коммунист Василенко. – С.Ф.), ими было заявлено, что «Добрармия не позволяла себе этого делать», и в) эксплуататорское отношение четы Вознесенских к рабочим, в достаточной степени избличают контрреволюционность Евтихия и Ольги Вознесенских, ПОСТАНОВИЛ:*

Полагая Евтихия и Ольгу Вознесенских предать суду Реввоен трибунала по обвинению в контрреволюции, направить настоящее дело председателю РВТ».

Участь Е.Е. и О.А. Вознесенских несколько облегчили алуштинские врачи. 6 января 1921 г., т.е. на следующий день после ареста Е.Е. Вознесенского, его осмотрела врачебная комиссия в составе докторов Розенберга и Шукалова. Комиссия обнаружила у него целый «букет» болезней (в том числе туберкулез правого легкого и хронический бронхит; вероятно, по этой причине И.С. Шмелев называет нотариуса «калекой») и пришла к заключению, что «*содержание больного в холодном, сыром помещении при отсутствии надлежащего ухода явно угрожает жизни больного, равно как и передвижение его на дальнейшее расстояние может привести к тем же последствиям*». 14 января похожее заключение о состоянии здоровья О.А. Вознесенской подписал доктор медицины А.П. Розанов.

В результате 15 января 1921 г. военный следователь Черняев был вынужден принять следующее постановление: «*Принимая во внимание представленные свидетельства врачей о состоянии здоровья Вознесенского Евтихия от 6/1-21 г. и Вознесенской Ольги от 14/1-21 г., изменить меру пресечения, заменив арест личным поручительством*». Иными словами, Вознесенские были освобождены под подписку о невыезде.

По постановлению военного следователя Красноармейского (так в 1921 г. именовалась Ялта; переименование это резко осудил И.С. Шмелев; см.: «Солнце мертвых», главу «Чудесное ожерелье». – С.Ф.) Пограничного Отделения Особого Отдела Крымчека Край-

него от 12 мая 1921 г. в силу Первомайской амнистии следствие по делу Е.Е. и О.А. Вознесенских было прекращено и сдано в архив.

Увы, во время пребывания Вознесенских под стражей у них в доме сотрудниками Особого Отдела был произведен повторный обыск, в результате которого было изъято абсолютно все – одежда, обувь, постельное белье, включая рубахи, полотенца, простыни, подушки, парусиновые туфли, носовые платки, женские юбки, кофточки, чулки... (Одно из таких «изъятий излишков» изображено в «Солнце мертвых», в главе «С визитом»: *«Все забрали. Старухины юбки, нянькины – и то взяли. “Я, - говорит, - с трудом пошла!” Швырнули: “Ты, - говорят, - раба!”»*).

Еще через несколько месяцев, в 1922 г., как мы знаем, у Вознесенских будут отображены дом и сад...

Что случилось с пожилыми, больными, выброшенными на улицу разутыми и раздетыми нищими Вознесенскими в дальнейшем, остается загадкой...

Очерк третий. Отец дьякон

Одним из самых симпатичных И.С. Шмелеву героев эпопеи был веселый алуштинский отец дьякон, имени которого автор, однако, не называет.

Л. Попова, автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000), установила, что дьякона звали Никандр Сакун. Вот что она пишет о его семье: *«Трагично сложилась судьба сыновей Никандра Сакуна: один сын умер от голода в 1924 году, младший Евгений был расстрелян немцами в Симферополе вместе с женой, еврейкой по национальности. Когда немцы оккупировали Крым (ноябрь 1941 года), то сразу же стали убивать евреев. И хотя сын дьякона не подлежал расстрелу, он добровольно разделил трагическую участь своей жены... Старший сын дьякона погиб на фронте, защищая Родину. Пока неизвестно, остался ли кто-нибудь из потомков дьякона Никандра Сакуна и где они...»* (с. 68).

В архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму удалось выявить судебное-следственное дело (Д. 019205), документы которого содержат информацию о жизни и судьбе Никандра Сакуна.

Никандр Васильевич Сакун родился в 1878 г. в селе Печенеги Харьковской губернии. Из крестьян. Украинец. Образование низшее. В партиях не состоял. Ко времени ареста в 1937 г. его семья состояла из жены Матрены Георгиевны, 1883 г. рождения, сына Серафима, 1905 г. рождения, проживавшего в Москве, и сына Евгения, 1912 г. рождения, проживавшего в Симферополе (судьбы сыновей читателю уже известны).

В 1905 – 1932 гг. Никандр Сакун служил в Алуште (поначалу – певчим, затем – псаломщиком, с 1909 г. – дьяконом), в 1932 – 1936 гг. – в деревне Марфовка Маяк-Салынского (ныне – Ленинского) района, с 14 октября 1936 г. – в греческой Введенской церкви г. Феодосии.

13 июля 1937 г., в разгар шпиономании в СССР, второй священник Феодосийской греческой церкви Никандр Сакун, прослуживший в этой должности всего лишь 9 месяцев, был арестован органами НКВД. Он обвинялся в том, что *«ведет контрреволюционную пропаганду среди населения и является участником контрреволюционной церковной группы»*.

14 июля Сакун был допрошен феодосийским следователем Ручкиным.

«Вопрос: Вы арестованы как участник контрреволюционной организации. Признаете вы это?»

Ответ: Нет.

Вопрос: Следствию известно, что вы занимались контрреволюционной пропагандой среди населения. Признаете вы это?»

Ответ: Нет.

Вопрос: Следствие требует от вас чистосердечного признания. Говорите следствию правду?»

Ответ: Я говорю правду.

Вопрос: Вы часто собирались на квартире попа Феодори (Федор Васильевич Феодори был настоятелем греческой церкви. – С.Ф.)?

Ответ: Квартиру Феодори я посещал раз в неделю, иногда и чаще.

Вопрос: С какой целью вы собирались на квартире Феодори?

Ответ: Я приходил к Феодори исключительно с тем, что приносил ему сведения о количестве крещеных детей и погребений, которые я совершал.

Вопрос: Следствием установлено, что вы вели учет количества крещений и погребений, с указанием фамилий совершающих религиозные обряды.

Ответ: Такой учет вел Феодори.

Вопрос: Для какой цели вы вели учет?

Ответ: Учет мы вели по требованию греческой двадцатки».

Девять дней спустя, 23 июля, тот же феодосийский следователь допрашивает Сакуна вновь.

«Вопрос: Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?»

Ответ: Нет, не признаю».

Сакуна переводят из Феодосийской тюрьмы в Симферопольскую. Вероятно, были «активизированы» методы дознания. В протоколе допроса от 29 ноября 1937 г., который вел симферопольский следователь Манилов, читаем:

«Вопрос: Вы изобличаетесь следствием в том, что вы являетесь членом контрреволюционной организации. Дайте показания по существу.

Ответ: Видя бесцельность дальнейшего запирательства, я решил дать следствию чистосердечные показания и этим искупить часть своей вины перед Советской властью. Признаю, я действительно являюсь членом контрреволюционной организации, существовавшей при греческой церкви г. Феодосии».

В результате на арестованного Н.В. Сакуна была составлена следующая справка, подписанная наркомом внутренних дел Крымской АССР А.И. Михельсоном (расстрелянным, кстати сказать, в 1939 г. и до сих пор не реабилитированным): *«Материалами следствия Сакуна Никандр Васильевич изобличается как член контрреволюционной шпионской организации, созданной резидентом греческой разведки священником Феодори Ф.В. и председателем церковной двадцатки Кацалиди К.Е.*

14 октября 1936 г. (т.е. в тот самый день, когда Н.В. Сакун по назначению епископа Симферопольского и Крымского Порфирия, причисленного ныне к лику местночтимых крымских святых, только что прибыл в г. Феодосию для работы в качестве второго священника греческой церкви. – С.Ф.) был завербован агентом греческой разведки Кацалиди К.Е. для шпионской контрреволюционной деятельности против СССР.

Среди прихожан церкви собирал сведения шпионского характера о политическом и экономическом положении греческой колонии и о количестве греков, состоявших в колхозах (так вот, оказывается, зачем ему были нужны сведения о количестве крещений и погребений! – С.Ф.) и их экономическом положении.

Собранные сведения передавал Феодори и Кацалиди для передачи греческой разведке.

Принимал активное участие в нелегальных к[онтр]р[еволюционных] совещаниях к.р. шпионской организации, где стояли вопросы о практических методах борьбы с Советской властью, а также о восстановлении более тесной связи с Греческой [дипломатической] миссией в Москве в целях проведения к.р. шпионской деятельности.

Принимал активное участие в составлении к.р. клеветнического письма Греческой миссии, направленного на дискредитацию Советского Союза. (В письме содержалась просьба взять под защиту греческую церковь, закрытую решением Феодосийского горсовета от 25 апреля 1937 года. – С.Ф.).

В период с 1936 по 1937 год проводил активную контрреволюционную клеветническую агитацию среди прихожан церкви, а также греческих моряков, направленную на дискредитацию Советского Союза.

Одновременно проводил активную к.р. националистическую агитацию среди греческого населения, создавая эмиграционные настроения. (Кому же еще, как не уроженцу Харьковской губернии Никандру Сакуну, не знавшему греческого языка, этим заниматься?! – С.Ф.)».

11 января 1938 года Михельсоном было утверждено обвинительное заключение на 11 членов «контрреволюционной шпионской организации», созданной «из актива греческой церкви», и раскрытой НКВД Крымской АССР. Н.В.Сакун обвинялся в том, что являлся «членом шпионской контрреволюционной организации, руководимой резидентами греческих разведывательных органов Феодори и Кацалиди, по заданию которых собирал шпионские сведения. Проводил активную к.р. агитацию среди русской части прихожан греческой церкви (ага, все же сообразили, что не знающему греческого языка украинцу «проводить активную к.р. агитацию» среди греков затруднительно. – С.Ф.), направленную на дискредитацию партии и Сов. власти, т.е. в пр. пр. (преступлениях. – С.Ф.), [предусмотренных] ст. ст. 58-1а, 58-10-11 УК РСФСР».

12 января 1938 г. прокурор Крымской АССР К.Н. Монатов (тот самый, по докладу которого на Объединенном Президиуме КрымЦИК и Совнаркома в 1930 г. было принято решение о сносе кафедрального Александро-Невского собора в Симферополе) направил обвинительные материалы в Москву на рассмотрение Тройки НКВД СССР.

19 февраля 1938 г. 60-летний Н.В. Сакун был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 2 апреля 1938 года. Как не вспомнить здесь монолог дьякона из «Солнца мертвых» И.С. Шмелева: *«Весной пойду на степь к мужикам, с семейством. Хоть за дьякона, хоть за всякого! а берите. А не примут – пойдем по Руси великой, во испытание. Ничего мне не страшно: земля родная, народ русский. Есть и разбойники, а народ ничего, хороший. Ежели ему понравилась – с нашим народом не пропадешь! Что ж, - скажу, - братцы... все мы жители на земле, от хлебушка да от Господа Бога... Ну, правда, я не простое какое лицо, а дьякон... а не превозношусь. Громок грянул - принимаю от Господа и громок. И все-то мы, как деревцо в поле... еще обижать зачем же?»*

Так подбадривал себя отец дьякон, веселый духом: не боялся ни огня, ни меча, ни смерти. Дерево в поле: Бог вырастил – Бог и вырвет».

По одному с Н.В. Сакуном делу были расстреляны еще 10 человек:

1. Феодори Федор Васильевич, 1887 г. рождения, уроженец г. Симферополя, грек, гражданин СССР, беспартийный, до ареста работал священником греческой церкви г. Феодосии. Он – сын настоятеля Аутской греческой церкви Василия Феодори, который был дружен с А.П.Чеховым.

2. Кацалиди Константин Егорович, 1880 г. рождения, уроженец г. Трапезунда (Турция), грек, греческоподданный, беспартийный, до ареста работал огородником детского сада г. Феодосии.

3. Мельников Харлампий Дмитриевич, 1879 г. рождения, уроженец г. Феодосии, грек, гражданин СССР, беспартийный, до ареста работал юрисконсультантом на соляных промыслах, проживал в Феодосии.

4. Ракоти Спиридон Николаевич, 1870 г. рождения, уроженец г. Феодосии, грек, гражданин СССР, беспартийный, до ареста работал сторожем при греческой церкви г. Феодосии.

5. Бойченко Александр Николаевич, 1879 г. рождения, уроженец с. Милаватка Харьковской губ., украинец, гражданин СССР, беспартийный, в 1903-1929 гг. был послушником в Святогорском монастыре, с 1929 г. до ареста работал дьяконом греческой церкви г. Феодосии.

6. Сентаниди Алкивиад Федорович, 1896 г. рождения, уроженец г. Трапезунда (Турция), грек, греческоподданный, беспартийный, до ареста работал продавцом Курортснабторга г. Феодосии.

7. Сентаниди Иван Федорович, 1883 г. рождения, уроженец г. Трапезунда (Турция), грек, греческоподданный, беспартийный, до ареста работал продавцом Крымторга г. Феодосии.

8. Феодосиади Авраам Яковлевич, 1893 г. рождения, уроженец д. Койник (Турция), грек, греческоподданный, беспартийный, до ареста работал псаломщиком греческой церкви г. Феодосии.

9. Тахтамышева Елена Константиновна, 1879 г. рождения, уроженка г. Старый Крым, гречанка, гражданка СССР, домохозяйка, исполняла обязанности казначея церковной кассы.

10. Шонова Мария Васильевна, 1870 г. рождения, уроженка г. Кишинева, русская, гражданка СССР, вдова бывшего титулярного советника, глава церковной двадцатки.

Все одиннадцать расстрелянных были в 1992 г. реабилитированы.

Очерк четвертый. Поп

В «Солнце мертвых», в главе «Чатырдаг дышит» лихой рыбак Пашка жалуется: *«Попа нашего два раза забирали, в Ялты возили! Уж мы ручательство подавали! Нам без попа нельзя, в море ходим!»*

Л. Попова, автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000), установила, что алуштинского попа звали Петром Ивановичем Сербиновым.

В архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму удалось отыскать следственное дело П.И. Сербинова (Д. 010000).

П.И. Сербинов родился в 1869 г. в г. Керчи в семье настоятеля Керченского собора. Русский. Окончил Таврическую семинарию, а в 1891 г. – и Киевскую духовную академию. В 1891-1893 гг., еще не будучи в сане священника, преподавал Закон Божий в учебных заведениях Керчи. В 1893-1899 гг. – священнослужитель Керченского собора, в 1899-1902 гг. – помощник настоятеля Златоустовского собора в Ялте, в 1902-1906 гг. – настоятель ялтинского Александро-Невского собора, с марта 1906 г. по апрель 1921 г. – настоятель Алуштинской церкви, с апреля 1921 г. по декабрь 1928 г. – вновь настоятель Александро-Невского собора г. Ялты. (Следовательно, о. П.И. Сербинов в 1921-1922 гг. был ближайшим сподвижником выдающегося русского религиозного мыслителя о. С.Н. Булгакова, который с сентября 1921 г. служил в Александро-Невском соборе вторым священником, а 27 декабря 1922 г. был выслан властями за пределы Советской России (см. выше очерк о нем).

П.И. Сербинов подвергался гонениям еще со времен царизма. 9 января 1906 г., в первую годовщину «кровавого воскресенья», в присутствии сотен прихожан Александро-Невского собора г. Ялты он отслужил панихиду по расстрелянным в Петербурге рабочим, за что был выслан в Алушту под надзор полиции.

В Алуште энергичный и социально активный отец Петр, помимо службы в единственной здесь церкви Федора Стратилата, преподает в учебных заведениях Закон Божий, избирается гласным Городской Думы.

С приходом красных все это ему, естественно, зачлось. Арестовывали его практически ежегодно (в 1921 году П.И.Сербинова, по его словам, даже приговорили к расстрелу, но затем освободили). Арестовывали то на несколько дней, а то и на несколько месяцев... Вероятно, ему доводилось сожалеть о том, что в 1920 г. на настойчивые предложения митрополита Антония (Храповицкого) эвакуироваться вместе с остатками армии Врангеля за границу он отвечал отказом...

Арестованный в очередной, предпоследний раз в июне 1927 г., спустя полгода, все еще находясь в заключении, он пишет на имя уполномоченного Ялтинского ГПУ Модина следующее заявление: *«Ввиду обследования моей деятельности за время проживания мною в городе Алуште, с 1906 г. по 1921-й г., считаю долгом заявить, что означенная деятельность была уже в свое время тщательно и подробно обследована Особым Отделом 4-й армии и Крыма (ЧК Крыма) в марте и апреле 1921 года, т.е. в период военного положения в Крыму, в условиях самой строгой чистки Крыма от контрреволюционных и прочих политически- и общественно-вредных элементов. Я был тогда арестован, отправлен в Симферополь в Особый Отдел и следствие надо мною велось под непосредственным наблюдением начальника Особых Отделов 4-й армии и Крыма Михельсона, следовательно, в обстановке особой строгости и беспощадности».* (Кстати, вот что об этой «обстановке» рассказывал уже знакомый нам рыбак Пашка из «Солнца мертвых»: *«А что народу погубили! Которые у Врангеля были по мобилизации солдаты, раздели до гульчи-ков, разули, голыми погнали через горы! Плакали мы, как сбили их на базаре... кто в одежке, кто вовсе дрожит в одной рубахе, без нижнего... как над людьми измывались! В подвалах морили... потом, кого расстрелили, кого куда... не доишутся. А всех, кто в ми-*

лиции служил из хлеба, простые же солдатики... всех до единого расстрелили! Сколько-то тыщ. И все этот проклятый... Бэла-Кун, а у него любовница была, секретарша, Землячка прозывается, а настоящая фамилия неизвестна... вот зверь, стерва! Ходил я за одного хлопотать... показали мне там одного, главного чекиста... Михельсон, по фамилии... рыжеватый, тощий, глаза зеленые, злые, как у змеи... главные эти трое орудовали... без милосердия!»). Однако я был признан не только не виновным, но при освобождении тов. Михельсон возвратил мне со словами «вам это в будущем может пригодиться» подлинники ходатайств о моем освобождении со стороны особой делегации, прибывшей в Симферополь, от татарского, еврейского, греческого и русского населения гор. Алушты. (Как видим, подтверждаются вышеприведенные слова рыбака Пашки о том, что алуштинцы за «попа нашего» «ручательство подавали». – С.Ф.).

Мне кажется, что изложенные в них факты, помимо имеющегося в моем распоряжении и другого материала, в достаточной степени характеризуют мою деятельность в гор. Алуште и, во всяком случае, будут более достоверными, чем сведения, собираемые ныне, через семь лет после того, как я оставил Алушту, будучи опять избран народом того прихода в гор. Ялте, которого, по требованию гражданской власти, я был лишен с января 1906 г. Прилагаю копии 3-х из этих ходатайств: татарского, еврейского и греческого и сами подлинники. Подлинники прошу вернуть сейчас же по прочтении их. 1927 г. дек. 10. Гор. Ялта. Протоиерей Петр Сербинов».

Как же характеризовали П.И.Сербинова алуштинцы в вышеупомянутых ходатайствах?

«Товарищу Начальнику Особых Отделов 4 Армии и Крыма.

Мы, нижеподписавшиеся граждане – члены Алуштинского Татарского Общества, настоящим удостоверяем, что священник Алуштинской церкви протоиерей Петр Иванович Сербинов за время пребывания своего в г. Алуште в политических делах никогда никакого участия не принимал. Когда была здесь, в Крыму, власть Врангеля, и войска его обижали мирных жителей, священник Петр Иванович Сербинов всегда первый шел на защиту, к какой бы национальности люди не принадлежали и какой бы политической партии они ни были. Мы удостоверяем, что священник Петр Иванович Сербинов защищал людей, арестованных за принадлежность к большевизму, еще в самом начале Октябрьской Революции, когда в начале 1918 года в Крыму немцы преследовали большевиков; а впоследствии, когда большевиков преследовали власть Деникина и Врангеля, преследуемые люди всегда находили защиту священника Петра Ивановича Сербинова.

Мы утверждаем, что вообще священник Петр Иванович Сербинов всегда защищал обиженных; ничего плохого мы от него не видели и вообще мы знаем его, как хорошего человека.

А потому мы, нижеподписавшиеся, убедительно просим освободить священника Петра Ивановича Сербинова из-под ареста.

1 апреля 1921 года. Гор. Алушта».

Ниже следуют подписи 62-х человек.

Еще ниже – приписка: «7.-IV. Читал. Михельсон».

«Товарищу Начальнику Особых Отделов 4 Армии и Крыма.

Мы, нижеподписавшиеся, члены Алуштинского Еврейского Общества, зная священника Алуштинской церкви Петра Ивановича Сербинова с 1906 года, удостоверяем своими подписями, что он, Сербинов, всегда был против разжигания национальных страстей; в то время, когда во многих городах России происходила агитация против еврейского населения и были даже случаи погромов, в Алуште никогда не было даже агитации, благодаря сильному влиянию некоторых людей во главе со священником Петром Ивановичем Сербиновым, стоявшим за равенство всех национальностей без различия.

Такого направления священник Петр Иванович Сербинов придерживался и до самого последнего времени. Так, в Алуште, когда на место Советской Власти приходила власть другая и начиналось преследование и издевательство над мирными жителями и в особенности над еврейским населением, священник Петр Иванович Сербинов всегда шел на защиту преследуемых, не обращая внимания ни на национальность, ни на то, каких политических взглядов был преследуемый.

В последнее время, когда была власть Врангеля, однажды при вступлении проходящих через Алушту войск в город началась стрельба в Алуштинскую синагогу, священник Петр Иванович Сербинов первый категорически потребовал прекращения этого издевательства, которое и было прекращено.

Вообще, мы знаем священника Петра Ивановича Сербинова как защитника преследуемых и друга всех национальностей без различия, почему и просим об освобождении его, в особенности нужного для Алушты, из-под ареста. 1 апреля 1921 г., гор. Алушта).

Ниже следуют подписи 67-ми человек.

Еще ниже – приписка: «7.-IV. Читал. Михельсон».

«Товарищу Начальнику Особых Отделов 4 Армии и Крыма.

Мы, нижеподписавшиеся, члены Алуштинского Греческого Общества, заявляем, что арестованного настоятеля Алуштинского Феодоро-Стратилатовского храма протоиерея отца Петра Сербинова мы знаем давно и удостоверяем своими подписями, что он за время своего пребывания в Алуште в политику никогда не вмешивался; в смутные времена, когда власти преследовали сторонников рабочего трудового народа, отец Петр Сербинов всегда шел на их защиту; из Ялты отец Петр Сербинов был выслан за то, что по собственной инициативе отслужил панихиду по расстрелянным в Петрограде рабочим.

Все время отец Петр Сербинов стоял за угнетенных; когда в 1914 году, по распоряжению правительства, нам, грекам, как иностранным подданным, категорически было приказано закрыть существовавшие в Алуште, Биюк-Ламбате (ныне – с. Малый Маяк. – С.Ф.) и Чукурларе (ныне – пос. Айвазовское. – С.Ф.) маленькие группы по обучению на дому греческих детей родному языку, отец Петр Сербинов горячо принялся защищать нас, иностранных подданных, доказывая, что никакие национальности, будь они даже иностранные подданные, не должны быть притесняемы: все – равны. После усиленного ходатайства отца Петра Сербинова нам, грекам, разрешено было официально открыть греческие школы в Алуште, Биюк-Ламбате и Чукурларе на родном языке.

Мы, кроме того, добавляем, что отец Петр Сербинов произносил в церкви проповеди только согласно прочитанного за Богослужением Евангелия и Апостольского послания, говоря, что Евангелие учит любить и уважать всех людей, какой бы национальности, какого бы вероисповедания они ни были.

На основании вышеизложенного мы, нижеподписавшиеся, просим освободить отца Петра Сербинова из-под ареста под круговое наше поручительство.

1-го апреля 1921 года. Гор. Алушта».

Ниже следуют подписи 220-ти человек.

Еще ниже – приписка: «7.-IV. Читал. Михельсон».

Жаль, что в следственном деле П.И. Сербинова отсутствует копия ходатайства от русского населения Алушты, из которой мы могли бы узнать, какие доводы в пользу освобождения «попа нашего» приводили такие, как рыбак Пашка...

В качестве свидетеля в 1927 г. привлекался и ближайший помощник о. П.И. Сербинова по службе в Алуштинской церкви уже известный нам дьякон Н.В. Сакун. На допросе 8 декабря 1927 г. он показал: «С 1905 по 1920 годы (ошибка памяти; правильно: с 1906 по 1921 гг. – С.Ф.) я служил при священнике Сербинове Петре. Сербинов Петр хорошо владеет религиозным слогом, после богослужений он всегда говорил проповеди. И только на Евангельские темы, по вопросам общего характера его выступлений не слышал и, насколько мне известно, он не выступал вообще. При белых в Крыму вместе с Сербиновым Петром служили в Алуште. Насколько я помню, за это время мы с ним служили только два молебна: когда отказался царь, а второй – при заключении мира с Германией. Оба молебна были по предложению Городской Думы, а не по собственному почину. Молебен в 1919 году о даровании победы белому оружию над большевиками при наступлении белогвардейцев на Ленинград (точнее, Петроград. – С.Ф.) по телеграмме Юденича я с Сербиновым не служил и, насколько я знаю, что такой молебен он не служил и один».

В результате в декабре 1927 г. П.И. Сербинов был в очередной раз из-под стражи освобожден. Но ненадолго. 5 декабря 1928 г. он вновь был арестован. В обвинительном заключении отмечалось, что «Сербинов П.И., находясь при белых в 1919 – 1920 гг. в г.

Алуште в должностях настоятеля Алуштинской церкви, законоучителя Алуштинской гимназии, председателя Городской Думы г. Алушты и председателя Алуштинского Комитета помощи белым беженцам от Красной Армии, вел среди населения агитацию против коммунистов, Красной Армии и Соввласти, призывал учащихся бороться против «красных звезд» (Красной Армии), называя их «дьявольским наваждением», имел тесную связь с начальником контрразведки и, по указанию последней, а также по своей инициативе, совершал молебствие о даровании победы белому оружию, где на молебствии произносил патриотические речи, призывал население объединиться для борьбы с красными, идти в ряды белой армии на фронт, вносить пожертвования белой армии и т.п. В 1920 году в период эвакуации белых с Кавказа и наплыва беженцев в Крым Сербинов, будучи председателем Комитета помощи беженцам в г. Алуште, против желания большинства членов Городской Думы, Санитарной комиссии и трудящихся Алушты, настаивал на принятии в Алушту 3000 беженцев с Кавказа от красных, лиц же, которые высказывались против принятия беженцев, называл врагами родины и требовал на заседании Городской Думы увольнения врачей со службы, которые высказывались против принятия беженцев. При Соввласти, начиная с 1920 года по настоящее время Сербинов в своих проповедях вел скрытую агитацию против мероприятий Соввласти, говорил, что церковь нужно охранять от революционных влияний, т.к. они разлагающе действуют на народ, распространял слухи, что ГПУ его скоро вышлет (так, кстати сказать, и случилось. – С.Ф.), чем старался создать себе авторитет и чтобы собирали ему средства на случай высылки. Чувствуя за собою вину, заранее хотел застраховать себя поддержкой масс, чем возбуждал недовольство в религиозных массах на Соввласть».

Опрошенный в качестве обвиняемого, П.И. Сербинов «в предъявленном ему обвинении себя виновным не признает и показал, что он во время пребывания белых в Крыму молебнов о даровании победы белому оружию не служил, сбор пожертвований и вербовку добровольцев в белую армию не производил, связи с начальником контрразведки г. Алушты имел, но не по служебным делам, а приходил к нему, начальнику контрразведки, с ходатайством об освобождении арестованных. Антисоветской агитацией при Соввласти не занимался, за исключением случая, что он летом 1928 года на заседании Приходского Совета заявил, что его, наверное, скоро вышлет ГПУ, и просил Совет собрать ему денег на случай высылки».

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 29 марта 1929 г. 60-летний П.И. Сербинов, как «*анти[с]советский элемент, постоянно будирующий религиозную массу против Соввласти*», был выслан за пределы Крыма сроком на 3 года.

Последним документом, завершающим судебно-следственное дело П.И. Сербинова, является его письмо в Москву, в ОГПУ, датированное 10 июня 1930 года. Письмо было отправлено из местечка Середина-Буда Глуховского округа Черниговской области, где тяжело больной (к письму приложены медицинские справки) «*политический высланный Сербинов Петр*» находился с 1 мая 1929 г., «*не имея здесь ни родственников, ни знакомых*». Автор письма подчеркивал, что «*не признавал никогда и до сих пор не признаю себя политически виновным пред Соввластью*», напоминал, что «*подвергался гонениям и ссылке при царизме за активное участие в освободительном движении*» и обращался с просьбой: «*Но, повторю в заключение, какой теперь с меня активный деятель против существующего порядка вещей?! Идите и посмотрите на эту развалину!! Так вот я и прошу ОГПУ – пересмотреть мое дело с тем, чтобы или дать полное освобождение (считая со дня моего последнего ареста, я несу наказание с 5 декабря 1928 г., т.е. год и 8 месяцев), или же разрешить мне, в случае невозможности поселиться в Крыму, свободное жительство там, где я найду более подходящим для моего здоровья*».

Письмо было оставлено без внимания...

О последних днях жизни и месте упокоения протоиерея П.И. Сербинова могли бы поведать, наверное, его потомки. Из анкеты арестованного П.И. Сербинова, заполненной в 1927 г., известно, что в то время его семья состояла из 51-летней жены Зинаиды

Вячеславовны, домохозяйки, 32-летней дочери Марии, работавшей медицинской сестрой в Карасане, и 30-летнего сына Ивана, служившего в Красной Армии в Ленинграде.

В 1994 году П.И.Сербинов был реабилитирован.

Очерк пятый. Винодел Кашин

На последних страницах «Солнца мертвых» читаем: *«Кашина сына расстреляли в Ялте... виноделова. И отец помер от разрыва сердца... Мальчик был, студент... славный мальчик. На войне с немцами, а то все здесь жил тихо... рабочие любили... В приказе напечатано... на стенке».*

Л. Попова, автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000), обнаружила в Государственном архиве Автономной Республики Крым «Анкету для регистрации бывших участников белых армий», заполненную 14 декабря 1920 г. 20-летним учеником 7 класса Алуштинской гимназии Николаем Сергеевичем Кашиным, вскоре расстрелянным. В книге Л. Поповой приведены и текст анкеты (с. 42), и ее фотография (с. 44-45). Но проведенное мною сопоставление текста анкеты и ее фотографии позволило обнаружить серьезные разночтения. Поэтому привожу ниже ответ Н.С. Кашина на вопрос анкеты «Служба в белой армии (перечислить чины, должности и места службы, время их и полученные награды)», перепечатываемый полностью и с соблюдением правил археографии: *«По мобилизации 1919 г. в декабре служил в Джанкое на эвакуационном пункте № 6 санитаром, откуда был освобожден по болезни и как имеющий льготу 1-го разряда (приказ [аз] [от] 2 марта 1920 года). 12 октября 1920 г. опять мобилизован и служил в Алуштинской комендантской ком[анде] до прихода Красной Армии. Должностей не занимал. Наград не получал».*

Л. Попова в своей книге пишет: *«Сергей Алексеевич Кашин, известный винодел, автор многих марок крымских вин, одно из которых и по сей день является гордостью Массандры – вино столовое «Алушта», новыми властями был выслан «на север», в Харьков, по постановлению Симферопольской ЧК»* (с. 46).

Документы архива Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму (Д. 07734 и 022204) позволяют уточнить и дополнить эту информацию.

С.А. Кашина арестовывали дважды – в 1921 и 1924 годах.

Первый раз 58-летний винодел С.А. Кашин был арестован 28 февраля 1921 г., одновременно с еще тремя алуштинскими *«притеснителями рабочих»*. На допросе С.А. Кашин показал: *«Я работал в погребках заведующим по винному делу, смотря как и когда у меня бывало много рабочих, как во время заказов, и вообще, если много работы, то набиралось до 100 человек. Рабочим платилось не меньше, чем в других имениях, доставлялась им мука, отоплялись и освещались помещения, что значительно облегчало их жизнь по сравнению с другими».*

Офицеры при Врангеле часто заходили за вином, и особенно в то время, как отступали, брали вино бесплатно. Заходили они целыми отрядами и вооруженные требовали или же брали сами нахально. Общего я с ними ничего не имел и знакомых офицеров у меня не было».

В эксплуатации рабочей силы я себя не признаю совершенно, скажу, что попадались рабочие пьяницы и неисполнявшие работ, вступая на должность лишь для того, чтобы напиться или утащить вино».

Тем не менее 15 марта 1921 г. чекист Матузенко в обвинительном заключении отмечал: *«Кашин Сергей Алексеевич, 58 лет (на вид - 45 лет), мещанин Севастополя, в имении Токмакова возле Алушты с 1891 года (т.е. 30 лет. – С.Ф.) служил виноделом. Женат, имущественно – сад шесть десятин и виноградника 2 десятины, беспартийный. Обвиняется в беспощадном гонении рабочих и притеснениях в отношении заработной платы. Доказано свидетельскими показаниями (листы 54 и 55). Как помещик-блюдолиз, старался лишь только для себя и жил в некотором отношении за счет рабочих. Обвинение считается доказанным, а посему полагал бы применить граж. Кашину Сергею Алексеевичу 5 лет принудительных работ».*

На следующий день, 16 марта 1921 г., Коллегия Симферопольской ЧК постановила: *«Сниткова (одного из поделщиков Кашина. – С.Ф.) и Кашина за притеснение рабочих-виноградарей и ярых прислужников капитала – заключить в концлагерь на 5 лет».*

Однако, в августе 1921 г. по Первомайской амнистии С.А. Кашин был освобожден.

Тогда, в первый свой арест, С.А. Кашин о расстреле сына (как явствует из документов, приемного) еще не знал. Заполняя «Опросный лист Особого Отдела 4-й армии и Крыма» на вопрос «*Имеет ли родственников в Красной Армии*», он отвечал: «*Приемный сын взят на службу в Красную Армию*», а в «Анкете для арестованных и задержанных с зачислением за ЧК» на вопрос о составе семьи написал: «*жена Кашина Капитолина Федоровна, 55 лет, домашняя хозяйка, приемный сын Кашин Николай Сергеевич, 20 лет, взят Советской властью*».

Три с лишним года спустя, 9 ноября 1924 г., С.А. Кашин был вновь арестован. Основанием к аресту послужила докладная записка, составленная накануне, 7 ноября 1924 г. (аккурат в великий революционный праздник!) бдительным уполномоченным 2-й группы Ялтинского погранотряда ГПУ Крыма Котиковым и поданная на имя начальника Ялтинского Пограничного Отряда по оперчасти. Вот ее текст: «*По имеющимся в делопроизводстве 2-ой группы С[екретно] О[перативной] Ч[асти] ЯПО материалам гр-н Кашин Сергей Алексеевич является крупным землевладельцем Алуштинского района.*

Гр-н Кашин, прослуживший долгие годы главным виноделом имения Токмакова-Молоткова в Алуште, одновременно с тем приобрел имение, состоящее из 12-ти десятин; 5 дес. виноградника, винный подвал, рогатый и другой скот. Будучи главным виноделом и владельцем собственного имения, Кашин грубо обращался и эксплуатировал рабочих. Во время пребывания в Крыму врангелевцев вполне дружелюбно к ним относился, и сын Кашина, белый офицер, в результате по вступлении в Крым красных частей был расстрелян.

Гр-н Кашин к Соввласти относится с полной ненавистью. Имеет знакомого в Париже гр-на Кострицкого Сергея, брат коего шпион-контрразведчик, разыскиваемый Закавказской ЧК, работал в подвале Центросоюза простым рабочим, по-видимому, под прикрытием монархиста Кашина Сергея. Гр-н Кашин является старшим виноделом совхозов Центросоюза в Алуште.

Принимая во внимание вышеизложенное, для пресечения контрреволюционных тенденций гр-на Кашина ПОЛАГАЛ БЫ:

подвергнуть Кашина Сергея Алексеевича тщательному обыску и аресту, о чем прошу Вашей санкции.

7/XI-24 г.

Уполномоч. 2-ой гр. Котиков».

Санкция была получена. Обыск ничего «контрреволюционного» не выявил. 11 ноября 1924 г. 62-летний С.А. Кашин был допрошен Котиковым. Из протокола допроса явствует, что отцом С.А. Кашина был севастопольский мещанин-садовник, мать – из крестьян, что С.А. Кашин окончил Никитское училище садоводства и виноделия, женат, русский, беспартийный, к моменту ареста имел на иждивении двух сестер, проживал в Алуште в доме б. Фабра.

«Вопрос: Сколько человек Вы эксплуатировали в Вашем имении?»

Ответ: От 20 – 30 человек.

Вопрос: Сколько человек работало в имении Токмакова под Вашим руководством?»

Ответ: От 25 – 100.

Вопрос: Состояли ли Вы в монархических организациях – Союзе русского народа, Михаила Архангела или какой любой другой?»

Ответ: Никогда не состоял. Занимался исключительно сельским хозяйством и в политику не вмешивался.

Вопрос: В царской армии на военной службе служили?»

Ответ: Никогда не был. Был ополченцем по 1-му разряду.

Вопрос: Имеете ли сыновей?»

Ответ: Был один приемный сын. Его расстреляли в Ялте в 1921 г. Он служил в белой армии солдатом.

Вопрос: За границей имеете знакомых или родственников?»

Ответ: Никого не имею. Вспоминаю, что есть один знакомый зубной врач Кострицкий Сергей Сергеевич. Его брат работал у меня в подвале рабочим, Лев Сергеевич Кострицкий уехал в Симферополь.

Вопрос: Имеете переписку с заграницей?

Ответ: нет. Ни одного письма не получал.

Вопрос: В чем выражалась Ваша деятельность при Врангеле и при Деникине?

Ответ: Все время был виноделом, ни в какую политику не вмешивался.

Вопрос: Вы скажите свой откровенный взгляд к врангелевцам.

Ответ: Отношусь к врангелевцам отрицательно. Ими мобилизовались мои лошади. Выходило много вина и т.п. Офицерство было разнузданно и требовательно.

Вопрос: Как Вы относились к рабочим, которые работали в Вашем собственном имении и в имении Токмакова-Молоткова?

Ответ: Я относился добросовестно. К лентяям и пьяницам я был взыскателен.

Вопрос: Допускали ли Вы со своей стороны грубости или оскорбления по отношению к рабочим? Как выплачивали заработную плату и сколько часов они были у Вас заняты?

Ответ: Заняты рабочие были 9 – 10 часов. Грубости, может быть, были допущены с моей стороны в том лишь случае, когда меня оскорблял какой-нибудь пьяный рабочий.

Вопрос: Ведете ли Вы антисоветскую агитацию в среде рабочих совхоза и среди жителей?

Ответ: Отрицаю. Никакой агитации я не вел и не веду.

Вопрос: Имеете ли Вы в данное время что-либо из имущества?

Ответ: Нет, все национализировано в 1921 году.

Вопрос: Виновным себя перед рабочими и крестьянами и пролетарским правительством чувствуете?

Ответ: Виновным себя ни в чем не чувствую. Сберегал деньги. Получал жалованье, чем скопил деньги и обосновал имение».

Как видим, и допрос С.А. Кашина его «контрреволюционных тенденций» не подтвердил.

Тем не менее, 15 ноября 1924 г. уже знакомый нам уполномоченный Котиков постановил: следственное дело С.А. Кашина «срочным порядком препроводить в ГПУ Крыма с ходатайством о заслушании его на Особом Советании на предмет удаления Кашина с пограничной полосы и наказания по 10, 73 ст. ст. УК, при возможности его замены как квалифицированного винодела. Справка: арестованный Кашин С.А. освобожден под подписку о невыезде».

Напрашивается вопрос: почему концовка постановления уполномоченного Котикова столь обтекаемо-деликатна?

Оказывается, еще 10 ноября 1924 г., буквально на следующий день после ареста С.А.Кашина, уполномоченным Правления Центросоюза по Крымской Областной Конторе Полетаевым в ГПУ Крыма было направлено письмо следующего содержания:

«9-го сего ноября арестован уполномоченным ГПУ наш сотрудник заведующий виноделием Центросоюза в Алуште С.А. Кашин.

Между тем, работы в наших винных подвалах идут полным ходом, начинается переливка вина и, в связи с доставкой спирта из Симферополя, приступают к приготовлению крепких вин.

Помощь и руководство опытного винодела, каковым является С.А. Кашин, абсолютно необходимы.

Ввиду сего и принимая во внимание, что С.А. Кашина уже неоднократно раньше арестовывали и освобождали без всяких последствий и что на этот раз, очевидно, имеется налицо очередное недоразумение, Крымская Областная Контора Центросоюза просит ГПУ Крыма произвести в срочном порядке расследование дела о Кашине С.А. и при

первой же возможности освободить его, так как арест его задерживает срочные работы по виноделию и может причинить Центросоюзу громадные убытки».

Угроза остаться без вожаемого продукта («Солнце мертвых» изобилует сценами пьянства представителей революционной власти) дала поразительно скорый положительный результат. 11 ноября 1924 г. из Симферополя в Ялту полетела телеграмма: «*Арестованного Кашина освободить [под] подписку [о невыезде]. Дело выслать. 11 ноября 1924 г. Зампред ГПУ Крыма Торопкин».*

В ГПУ Крыма по делу С.А. Кашина было принято следующее заключение: «*1924 года ноября 20 дня. Я, уполномоченный 2 отдел[ения] СОЧ ГПУ Крыма Кесельман, рассмотрев заключительное постановление следственного дела за № 705 по обвинению гр. Кашина Сергея Александровича (как видим, уполномоченный впопыхах ошибся; правильно: Алексеевича. – С.Ф.), 62 лет, женат, русский, мещанин гор. Севастополя, проживающий в Алуште на должности ст[аршего] винодела подвала Центросоюза, был под арестом по обвинению в эксплуатации рабочих в пользу частного капитала по вступлении в Крым Красной Армии, осужден [в 1921 году] в концлагерь, по амнистии освобожден, вполне сочувственно относившегося к врангелевцам, сын коего служил в белой армии и при вступлении красных расстрелян, имеющего переписку с братом контрразведчика шпиона Кострицкого Льва, находящегося в Париже и укрывавшего шпиона Кострицкого (полная чушь, да еще и перевранная; см. вышеприведенный протокол допроса С.А. Кашина. – С.Ф.) в качестве рабочего подвала, разыскиваемого Закавказской ЧК, элементом является реакционным, недоброжелательно относящегося к Соввласти, в преступлении, предусмотренным ст. 73 с санкцией ст. 10 УК и, соглашаясь с заключительным постановлением уполн[омоченного] Ялт[инского] П[ограничного] О[тряда], ПОСТАНОВИЛ:*

Следственное дело за № 705 представить на Особое Совецание при ГПУ Крыма на предмет выселения из пределов Крыма в северные губернии Союза обвиняемого Кашина Сергея Александровича (вновь ошибка; правильно: Алексеевича. – С.Ф.) сроком на три года. Справка: обвиняемый находится под подпиской о невыезде из г. Ялты. Уполномоченный Кесельман».

5 декабря 1924 г. Особое Совецание при Коллегии ОГПУ постановило: «*Кашина из-под стражи освободить. Дело прекратить».*

* * *

Таковы судьбы прототипов положительных героев книги И.С. Шмелева «Солнце мертвых», чьи судебные-следственные дела удалось отыскать. Как видим, судьбы эти печальны и страшны. Страшны не менее, чем книга И.С. Шмелева, чем сама отображенная в ней жизнь в (по образному определению писателя) «растлевающейся России».